

Шаг за шагом составители сборника прослеживают состояние всех фольклорных жанров, их бытование в народной традиции. И каждый из жанров, будь то заговоры, причитания, легенды и предания, представлен добротными текстами. Нотные записи — 47 песен (большая часть нотаций выполнена В.В. Запорожец) — это не только дань современным требованиям, предъявляемым к публикации поэтических произведений, но и возможность расширения его научной и практической значимости.

Блок статей о культуре, истории, промыслах и ремеслах хорошо дополняет сборник, позволяя, как и в фольклорной части, проследить судьбу традиционного искусства прошлого и его настоящее. А.Г. Кулешов удачно иллюстрирует современные творческие направления живыми очерками о работе современных мастеров резьбы по дереву; в статье дается характеристика и других видов народного ремесла. К сожалению, малочисленность и плохое качество фотографий не позволяют читателю «окунуться» в этот интересный материал и почувствовать красоту вышивок, народного костюма и др.

Книгу завершает статья В.Е. Добровольской о народных ансамблях Судогодского края. Особенностью работы фольклорных коллективов, как отмечается в статье, сегодня стало формирование репертуара на основе традиций местного фольклора, а также поиски новых форм выступлений, которые были бы адекватны естественным условиям бытования фольклора. И в этом плане настоящий сборник, несомненно, будет полезен судогодским коллективам.

Публикация региональных фольклорных сборников и материалов о народном искусстве — это весомый вклад в возрождение народной культуры, ибо возрождение культуры немислимо без знания ее. Книга издана малым тиражом — 1000 экземпляров. А между тем она нужна судогодским школам, домам культуры, жителям района и всем, кому дорога память о культурном наследии, кто стремится сохранить фольклорные традиции¹.

Вызывает некоторую досаду качество издания. Мелкий шрифт, разный цвет бумаги, часто плохая пропечатка букв и фотографий затрудняют чтение и снижают впечатление от знакомства с книгой. Здесь были бы уместны карта и большее число фотографий. При всем том сборник «Фольклор Судогодского края», подготовленный Государственным республиканским центром русского фольклора, уже занял почетное место в списке лучших книг о народном искусстве.

Примечания

¹ Когда этот номер альманаха находился в работе, вышло в свет второе издание сборника «Фольклор Судогодского края» (М.: ГРЦРФ, 120 2001).

Конференция

«ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»

В Государственном республиканском центре русского фольклора 27—30 ноября 2000 г. проходила ежегодная научная конференция «Фольклор и художественная культура». В ней приняли участие специалисты из Москвы, Борисоглебска, Волгограда, Воронежа, Глазова, Екатеринбурга, Ижевска, Йошкар-Олы, Нижнего Новгорода, Рязани, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Тамбова, Твери, а также из стран ближнего зарубежья — Украины (Киев) и Литвы (Вильнюс).

С приветственным словом от Министерства культуры Российской Федерации к собравшимся обратился А.Н. Демченко. Он отметил, что в этом году конференция имеет особый смысл, поскольку совпадает с торжествами по случаю десятилетия Государственного республиканского центра русского фольклора. Генеральный директор Центра, член-корреспондент РАЕН, доктор педагогических наук, профессор А.С. Каргин в своем ответном слове отметил важность проведения подобных научных мероприятий в контексте развития современной фольклористики. Он призвал участников конференции к теоретическим обобщениям тех частных докладов, которые прозвучат в ходе ее работы, и к активному обсуждению серьезных методологических проблем, актуальных для современного научного знания в области традиционной культуры.

Конференцию открыл доклад Н.А. Хренова (Москва) на тему «Традиционные ценности в современной цивилизации». В нем отмечалось, что для переходных эпох в истории культуры характерно не только разрушение, но и, напротив, актуализация традиционных ценностей. Исследователь остановился на типе личности, формируемой традиционной культурой, на специфике осмысления времени и пространства в соответствующей ей картине мира. Подлинным ядром традиционной культуры является сакральность. Именно это обстоятельство и делает традиционную культуру оппозиционной по отношению к изменениям, происходящим в секуляризованных обществах. Особое внимание было уделено процессам, происходящим в культуре XX в., в том числе и художественной. С этой целью докладчик внимательно проанализировал концепции П. Сорокина и О. Тоффлера, связанные с переходом от индустриальной цивилизации к постиндустриальной и от идеациональных культур к чувственным. В заключение он подчеркнул, что переживаемый на рубеже XX—XXI вв. переход от одного цикла истории к другому делает актуальным возрождение идеациональных элементов, а следовательно, и элементов архаических и традиционных культур.

Предметом рассмотрения *А.В. Голубева (Москва)* стало мифологическое сознание в истории XX в. Исследователь представил общую характеристику мифологического типа сознания, которое до сих пор является доминирующим и предполагает целостное и одновременно упрощенное восприятие мира (авторитарно, имеет набор устойчивых стереотипов и ценностей, но при этом характеризуется тенденцией к их радикальной переоценке). В центре внимания докладчика оказалась проблема использования мифологического сознания в политических целях. Под этим углом зрения им были проанализированы события российской и мировой истории XX в. Тему продолжил *А.Х. Гольденберг (Волгоград)*. В докладе «Царицынский Савонарола: миф и легенда в русском общественном сознании начала XX века» он обратился к судьбе настоятеля царицынского Святодуховского мужского монастыря иеромонаха Илиодора, духовного пастыря и политического деятеля. Основываясь на недавних архивных находках, введенных в научный оборот волгоградскими историками, докладчик представил совершенно новые грани в облике этой сложной исторической личности.

Доклад *А.Е. Махова (Москва)* привлек внимание участников конференции интересным подходом к рассмотрению механизма функционирования европейской литературной традиции. Докладчик, в изложении которого слепота предстала как основополагающее свойство традиции, убедительно доказал, что творчество европейского художника и писателя было направлено не на достоверную передачу увиденного, а на выразительное воспроизведение образца. Именно традиция заставляла писателя пренебречь зрением, поскольку предлагала ему готовую схему (формулу, образ, ситуацию). В связи с этим символична слепота Гомера — отца европейской литературной традиции. Примечательно, что в XVII—XVIII вв. слепота оказывается способом упорядочения и рационализации мира. В XIX же веке приверженность этому творческому принципу высмеивается (оценка современниками творчества известного графомана Д.И. Хвостова — травестийного Гомера пушкинской поры), хотя схема последовательно проявляется в творчестве Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, К.Ф. Рылеева, К.Н. Батюшкова и др.

В докладе *А.П. Шаховского (Глазов)* «Энергетическое пространство фольклорной культуры» речь шла о логике музыкального мышления. Анализируя процесс творчества композитора, докладчик рассматривает фольклор как некую сущностную основу, выполняющую по отношению к художественному мышлению функцию сохранения его глобальных принципов. Он проецирует логику фольклорного творчества на индивидуальное творчество композитора, полагая, что и в последнем большую роль играет затекстовая информация, порождающая музыкальное произведение. На примере причитаний, которые являются итоговой музыкальной формой, завершающей фольклорный акт, и бессмысленны вне контекста обряда, он показывает, как осуществляется связь музыкально-

го произведения и реальной действительности. В творчестве композитора роль такого посредника играет его художественный опыт и формирующийся на его основе музыкальный словарь. Адекватное восприятие произведения происходит лишь в случае совпадения личного музыкального опыта слушателя с творческим опытом композитора.

Д.В. Смирнов (Москва) дал характеристику русской музыкальной фольклористики рубежа XIX—XX вв. в контексте научного и художественного сознания эпохи и проанализировал основные принципы изучения народной песни, господствовавшие в то время.

Выступление *А.В. Громова-Колли (Москва)* было посвящено проблеме соотношения исторической и структурной поэтики. Обратившись к работам В.Б. Шкловского и В.Я. Проппа, докладчик проанализировал основные позиции, по которым между учеными развернулась полемика. Он отметил постоянный интерес В.Б. Шкловского к фольклорному материалу и фольклорным исследованиям, отразившийся в его теоретических работах по наррации. Позиция литературоведа примечательна, поскольку он вступает в дискуссию с виднейшими представителями фольклористического знания XIX в. (в том числе и А.Н. Веселовским). В.Б. Шкловский объясняет сюжетные совпадения в фольклоре разных эпох и народов существованием особых законов сюжетосложения, полагая, что произведение искусства рождается по неэстетическим причинам и только позднее эстетически оценивается. В его работах особый акцент делается на сюжетность любого фольклорного текста, который складывается в результате остранения (переосмысления бытового материала с целью создания нового видения). В этой связи очевидно противостояние В.Б. Шкловского и В.Я. Проппа, полагавшего, что фольклорное произведение непосредственно отражает самую последовательность событий. Кроме того, В.Б. Шкловский усматривает ограниченность в интерпретации В.Я. Проппом функции как категории анализа сказочного сюжета.

Роль священника в жизни русской деревни, его связи с народной культурой рассмотрел *А.Н. Розов (Санкт-Петербург)*. Анализируя архивные материалы и повести С.И. Гусева-Оренбургского и С.Н. Елеонского, автор выделил два типа сельских священников и вскрыл причины конфликтов, которые возникали между старыми (сроднившимися со своей паствой и знающими ее нужды) и новыми (не умеющими найти общий язык с прихожанами) пастырями. Было также отмечено, что священнослужители упорядочивали жизнь сельской общины, принимая участие в основных этапах хозяйственной деятельности крестьян. Крестьянство, в свою очередь, влияло на священнослужителей, что вело к возникновению таких обычаев, как катание кого-либо из членов причта по полю в Егорьев день или богослужения при прогоне скотины через «живой огонь».

Типы бытовой и хозяйственной магии старообрядцев Литвы на основе записей 1990-х годов

рассмотрел в своем докладе Ю.А. Новиков (*Вильнюс*), уделив особое внимание рассмотрению христианского пласта материала.

Ю.М. Шеваренкова (*Нижний Новгород*) рассказала о святынях Серафима Саровского в Нижегородском крае. Она представила культурные и природные святыни, связанные с почитанием преподобного Серафима, как единую систему сакральных объектов; выявила ареалы их почитания. В центре ее внимания оказался культ Канавки, который начал складываться еще при жизни старца. Канавка являет собой комплекс природных святынь (деревья и земля), маркирующих путь Богородицы, которая явилась преподобному Серафиму у Троицкого Собора Дивеевской обители. Беседы с насельниками монастыря, паломниками, местными жителями позволили выявить различия в почитании святыни духовенством и мирянами и установить разницу в устном репертуаре, носителями которого они являются.

Ю.В. Приказчикова (*Ижевск*) продолжила тему местночтимых святынь и проанализировала материалы, касающиеся традиции почитания сакральных столбов-часовен на юге Вятскополянского р-на Кировской обл., граничащего с территориями Татарстана и Удмуртии. Основную функцию этих памятников, утраченную в наше время, она усмотрела именно в маркировке границы между христианским и мусульманским миром. Для современной традиции свойственно возведение столбов-часовен с врезанными иконами по устойчивым мифологическим границам пространства (дом, перекресток дорог, ключ, поле), что позволяет функционально соотнести их с обетными крестами. Отмечены также интересные случаи обустройства столбов-часовен в местах прощания с рекрутами и покойниками. Кроме того, Ю.В. Приказчикова предложила интересную гипотезу, согласно которой столбы-часовни воздвигались для маркировки движения крестного хода с иконой Спасителя из Спасского собора г. Елабуги по Малмыжскому у. Вятской губ. вверх по течению реки.

Т.В. Хлыбова (*Москва*) в своем сообщении обратилась к проблеме изучения репертуара современных православных исполнителей. Она представила свои наблюдения над целым рядом записей, сделанных преимущественно в Московской обл., и указала, что жанровый состав тетрадей с духовной поэзией за последнее время существенно изменился. Если раньше в них хранились несколько наиболее популярных духовных стихов, канонические молитвы, эпитафии и «вопросы и ответы», то сейчас сюжетный состав собственно духовных стихов и апокрифических рифмованных молитв расширили даже те, кто выступают только хранителями духовной поэзии. Исполнители же духовной поэзии, помимо привычных записей, включают в свои собрания ксерокопии тетрадей других людей, печатные издания и аудиокассеты (за счет этого существенно расширяется корпус используемых ими текстов). Помимо традиционных стихов литературного происхождения сюда попадают так называемые «новые стихи», т.е. стихи, имеющие

автора, которые в настоящее время становятся чрезвычайно популярными среди православных, а также колядки, псалмы, канонические и апокрифические молитвы. Причину изменения жанрового состава тетрадей автор видит в доступности печатной продукции и аудиопродукции данной тематики.

Проблеме «Фольклорный образ и историческая действительность» был посвящен целый ряд докладов, прозвучавших на конференции. В.Г. Смолицкий (*Москва*) рассказал об исторической и фольклорной судьбе графа Б.П. Шереметева. Обобщив сведения мемуаристов о полководце петровской России, докладчик указал на особенности отражения этих биографических реалий в исторических песнях, посвященных храброму военачальнику. Как специфическую особенность песен о Шереметеве он отметил присутствие в них темы трагического, неразрешимого противоречия интересов личности и государства. Т.С. Шенталинская (*Москва*) посвятила свое выступление рассмотрению фольклорных ипостасей майора Д.И. Павлуцкого — последнего «конкистадора» Сибири, которому в 30—40-е годы XVIII в. было поручено довести до конца подчинение российской короне местных племен. Историческая миссия, возложенная на него, — майор возглавил казаков в последних русско-чукотских битвах — стала импульсом для рождения песен и преданий о нем. Докладчица, основываясь на своих собственных записях и материалах Северо-Тихоокеанской экспедиции В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза, хранящихся в архивах Американского Музея Естественной истории, выявила разные фольклорные ипостаси реального исторического лица. С одной стороны, это мифологизация исторического героя в фольклоре аборигенов, с другой — историческая персонификация фольклорного персонажа в русской песне.

Как продолжение этой темы можно рассматривать выступление Л.В. Фадеевой (*Москва*), сосредоточившей свое внимание на путях формирования народного жития святого праведного Иоанна Кронштадтского. Проанализировав рассказы, бытующие на родине святого (в с. Сура Пинежского р-на Архангельской обл.), а также сведения, которые давали о себе рассказчики, докладчица пришла к выводу, что одним из важнейших источников складывающегося в современных условиях устного жития является книга (популярные жизнеописания; дневники и мемуары о Иоанна, его духовных чад). Исследовательница попыталась установить смысловые параллели между благочестивыми размышлениями святого (книга «Моя жизнь во Христе») и тематикой рассказов, составляющих его житийный цикл. Было отмечено, что именно книжные источники сыграли большую роль в пробуждении интереса к святому даже на его родине и способствовали привнесению элемента «чуждого» в рассказы земляков и родственников о Иоанна, тем более что для большинства из них он остается обычным человеком.

Доклад В.Е. Добровольской (*Москва*) был посвящен анализу различий устной и книжной вер-

сии жития Андрияна Пошехонского. Автор отметила, что устное житие подробнее разрабатывает канонические мотивы книжной версии, дополняя их формульными элементами, присущими народной традиции. Иногда они просто дополняют сюжетную канву, реже — переосмысляются, и тогда традиционные фольклорные формулы используются в несвойственном для них контексте. Кроме того, некоторые образы книжного жития вызывают в народном сознании ассоциации с внешне сходными явлениями устной традиции, в результате чего возникает необходимость создания дополнительных мотивов и сюжетов, зачастую далеких от книжного оригинала.

Л.В. Левкиевская (Москва) обратилась к фольклорным мотивам в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев». С ее точки зрения, режиссер «цитирует» источники, взятые из некинематографических текстов (картин, музыки, вербальных текстов). Докладчица подробно остановилась на одном фрагменте фильма — вставной новелле о крестных муках Христа. Она выделяет два типа источников этой новеллы: живопись Питера Брейгеля Старшего (композиция новеллы близка композиции картины «Несение креста») и народное толкование Евангелия, важной особенностью которого является этноцентричность, т.е. стремление вписать Священную Историю в контекст национальной культуры.

И.П. Уварова (Москва) в своем выступлении остановилась на вертепных действиях, возрожденных в России, и вертепной традиции на Украине. Особое внимание было уделено международному фестивалю вертепов и рассмотрению различных рождественских действий, показанных на нем. В настоящее время вертеп занимает промежуточное положение между мистерией и представлением; его участники придают эпизодам Священной Истории этнографические элементы, присущие конкретной национальной культуре.

Теме «Кукла в народном и профессиональном современном искусстве» было посвящено сообщение *А.Н. Васильковой (Москва)*, рассказавшей о работе белорусских аниматоров над фильмом «Волшебная свирель» (1998), снятом по мотивам нартического эпоса. Большая часть этого фильма сделана в кукольной технике.

По установившейся традиции многие из выступавших на конференции обратились к теме фольклор и литература. Испанской копле и ее связи с паремиями был посвящен доклад *Л.Г. Пановой (Москва)*. Автор предложила рассматривать коплу как развернутую пословицу или поговорку, но оговорила, что для фольклорного текста свойственны большие обобщения, в то время как для рассматриваемого жанра характерно обращение к миру человеческой души, присущее преимущественно книжной поэзии. Копла оказала влияние и на саму книжную поэзию, предоставив в ее распоряжение многие образы, темы и мотивы.

К проблеме фольклоризма предромантических повестей В.А. Жуковского и К.Н. Батюшкова обратилась в своем докладе *Т.В. Федосеева (Рязань)*. Она проанализировала особенности переосмысле-

ния поэтами фольклорных традиций и отметила, что на формирование жанра предромантической повести большое воздействие оказала сказка, хотя речь не может идти о прямом влиянии фольклора на литературу данной эпохи.

Е.П. Панова (Волгоград) в своем сообщении проанализировала мотив окна, используемый поэтами XIX—XX вв. Она отметила, что мотив окна может употребляться как в прямом значении, так и в символическом. Влияние на формирование и осмысление символического употребления понятия «окно» в русской культуре оказала западноевропейская литература и фольклорная традиция. Основной мотив западноевропейской литературы — «возлюбленный под окном» — претерпел под влиянием архаического фольклора значительные изменения. Функционирование мотива окна в русской лирике обнаруживает несомненные связи с устоявшейся поэтической традицией и поэтикой русского фольклора.

В докладе *И.С. Конрад (Москва)* произведение Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» было рассмотрено в контексте народной смеховой культуры. *А.В. Коровашко (Нижний Новгород)* поставил перед собой задачу выявить фольклорные параллели к поэме А.Т. Твардовского «Теркин на том свете» (путешествия на «тот свет» героев волшебных сказок, рассказов об обмираниях). *О.Е. Фролова (Москва)* проанализировала жанровые метаморфозы В. Пелевина на примере повести «Затворник и шестипалый» (переосмысление содержания и границ традиционных жанров, их ироническое прочтение; соединение черт различных жанров), а также метаморфозы образной системы романа «Жизнь насекомых» (оборотничество персонажа).

Т.В. Цивьян (Москва) в своем докладе проанализировала сходство структур двух текстов — фольклорного и авторского — на примере фольклорной песни «Во Селище, во деревне», являющейся именованным реестром жителей деревни Селище, и стихотворения Д. Хармса «Некий Пантелей». Автор отметила не только жесткость и однообразие структуры фольклорного текста (имя повторяется дважды в конце одной строки и в начале следующей), но и смысловую нагруженность такого повтора — противопоставление первого и второго употребления имени. Помимо этого наблюдается маркирование по форме имени (четыре разные формы имени: полное, уменьшительное, уменьшительно-ласкательное и уменьшительно-уничижительное), а также по смене признаков, присущих тому или иному персонажу. Цепь, с точки зрения докладчицы, в данном случае предполагает не столько последовательное развитие сюжета, сколько перечисление всего множества элементов как единого целого. Стихотворение Хармса имеет в своей основе тот же реестр, однако его структура хоть и сходна с фольклорной, но отличается еще большей жесткостью и регулярностью. Исследовательница выявила критерий, по которому противопоставляются данные произведения. В своем анализе она

исходила из того, что именно для каждого из них является авантекстом, в основе которого лежит образец, сформировавшийся в недрах фольклорной мифопоэтической традиции.

Опыту фольклористической экспертизы удмуртских «литературных» преданий был посвящен доклад *Т.Г. Владыжиной (Ижевск)*. Вниманию участников конференции исследовательница предложила анализ двух текстов – «Великаны» и «Небеса», опубликованных в 1919 г. за подписью К. Чайников (К. Герд) без ссылок на исполнителя. Стилистика этих преданий далека от народной, в текстах видна рука профессионального литератора со всеми присущими ему стилистическими оборотами и просветительскими назиданиями, столь не характерными для жанра преданий. Воспользовавшись мифологемой, сохранившейся в народном сознании (о чем свидетельствуют архивные записи), К. Герд создал на ее основе объяснительные тексты, которые в настоящее время считаются характерными примерами удмуртских преданий.

А.Н. Власов (Сыктывкар) в докладе «Современная мифология истории Русского Севера» обратился к региональным изданиям, в которых предпринимается попытка реконструкции картины исторического прошлого народа, населяющего данный регион. Очевидные методологические просчеты, которые допускают авторы подобных трудов, оказываются отнюдь не случайными и свидетельствуют об историческом самообмане и попытке самоутверждения представителей тех или иных этнических сообществ. Докладчик подчеркнул необходимость филологической критики текста, содержащего подобные исторические построения (к примеру, оценка интерпретации текста исторического предания с точки зрения ее соответствия традиционному контексту), и продемонстрировал результативность такого подхода на примере истории коми-зырян и Нижней Печоры (Усть-Цильмы).

Проблему устойчивости фольклорной традиции на материале фольклорных сюжетов о подменах рассмотрела в своем выступлении *Т.А. Михайлова (Москва)*. Проанализировав представления кельтов о подмене человека фейри и нормативных актах, регламентирующих поведение людей, столкнувшихся с подменой, докладчица продемонстрировала специфику мифологического сознания кельтов и его разрушение на рубеже эпох. С точки зрения Т.А. Михайловой, именно это и стало причиной фольклоризации действительности, присущей ирландскому миру.

А.А. Иванова (Москва) предложила вниманию участников конференции доклад на тему «Баня на Русском Севере: к вопросу о динамике культурной традиции». Это исследование было выполнено в рамках концепции культурного ландшафта. Анализ материалов комплексных экспедиций в Пинежский р-н Архангельской обл. позволил докладчице дать развернутую характеристику представлений пинежан о бане и банном духе; рассмотреть связанные с этими представлениями требова-

ния к выбору места для строительства бани (маркирующей периферию деревни и периферию мифологической картины мира); дифференцировать сферы бытовой и магической практики, связанные с баней. Свои наблюдения докладчица сопроводила видеоиллюстрациями.

Выступление *А.В. Гуры (Москва)* было посвящено культурным стереотипам в народной зоологии. На основе анализа релевантных признаков автор выявил механизмы символизации образа пчелы, указав прежде всего на амбивалентность данного персонажа. Рассмотрев темную и светлую природу пчелы, автор подробно остановился на связи данного образа с Богородицей, проследил корреляцию этих образов на языковом уровне и выявил механизмы символизации, присущие языку культуры.

Семантику, символику и генезис ритуального дерева в украинских календарных обрядах проанализировала *Е.Ю. Чебанюк (Киев)*. Она представила собравшимся видео- и фотоматериалы, позволяющие судить о многообразии видов ритуальных деревьев на Украине. Это, в частности, троицкая и купальская «веха», украшенная антропоморфными чучелами и крестами. Иногда вместо антропоморфного чучела в обрядовой практике функционирует украшенная цветами девушка, называемая «куст». Подробно были рассмотрены два других типа ритуальных деревьев. Первые, устанавливаемые под окнами домов и увенчанные тыквой, приурочены к Маккавею, а вторые, украшаемые рушниками, связываются с праздником Спаса. Особой разновидностью обрядового дерева докладчица предлагает считать букет, называемый «маккавейчик». Дерево или увитая цветами жердь является, по наблюдениям автора, неизменным атрибутом троицко-купальского цикла и, вероятно, символизирует собой мировое древо.

И.М. Денисова (Москва) в докладе «Архаические элементы картины мира в русском народном искусстве» проанализировала судьбу мотива, устойчиво проявляющегося в изобразительном искусстве разных народов. Сравнительный анализ позволил ей прийти к выводу, что это древнейший символ возрождения. В дальнейшем он переродился в целый ряд известных образов-символов, что было продемонстрировано докладчицей на большом количестве примеров-иллюстраций. Так, в античном искусстве он назывался «священная матка». Как одно из интересных воплощений данного мотива можно рассматривать его изображение на христианском кресте. Позднее эта композиция получила название «процветший крест», поскольку две змеи внизу креста стали стилизоваться в два ростка.

С.В. Просина (Москва) рассмотрела особенности северных росписей на прялках, подробно остановилась на мезенской росписи, охарактеризовав ее как наиболее архаичную. Она обратила внимание на то, что одним из наиболее частотных в этой традиции является образ птицы. Докладчица проанализировала символику птицы, уделив

особое внимание образам Сирина и Алконоста. Сопоставление принципов и приемов разработки образа птицы в разных региональных традициях позволило сделать вывод, что архаичный магический смысл рассматриваемого образа со временем утрачивался. Если его первоначальные изображения не несли художественной нагрузки, то поздние, утратившие знаковую функцию, отличаются живописным колоритом, разнообразием форм и реалистичными подробностями.

Опыт реконструкции генетических истоков образов Полкана и Сирина в русской глиняной игрушке предложил в своем выступлении *А.Г. Кулешов (Москва)*. С точки зрения докладчика, Полкан органично вошел в систему мифологических персонажей, образы которых разрабатывали на протяжении нескольких веков мастера глиняной игрушки. Причина этого кроется в популярности данного персонажа, который встречается и в древнерусских книжных легендах, где он представлен под именем Китовраса, и в лубочных сказках о Бове Королевиче, где он носит имя Полкана-богатыря. Совершенно иная судьба у Сирина, который, несмотря на упоминание в духовных стихах, не прижился в русской глиняной игрушке, хотя стал весьма популярным персонажем лубочных картинок.

Анализу средств художественной специализации языка русского фольклора был посвящен доклад *Е.Б. Артеменко (Воронеж)*. Сопоставив особенности устной и фольклорной речи, она указала на то, что в фольклоре многие языковые явления попадают в иную, чем в разговорной речи, систему связей. Исследовательница рассмотрела функциональную специализацию языкового элемента в фольклоре, выполнение им эстетической функции, которое сопровождается изменением собственной ему за пределами фольклора значимости, а в ряде случаев — его структурным преобразованием. Обозначенные изменения и преобразования — это способы, посредством которых реализуется художественная функция языкового элемента. Но изменения значимости и структурные преобразования делают языковой элемент отличным от средств нехудожественной коммуникации. Тем самым значимостное или значимостно-структурное своеобразие оказывается не первичным фактором, изначально детерминирующим художественные свойства этих компонентов, а величиной производной от эстетической специализации названных компонентов, от свойственных им художественных функций. Следовательно, непохожесть и является универсальным знаком эстетической специализации языкового элемента и показателем принадлежности текста к сфере устно-поэтического творчества.

Сердюк М.А. (Борисоглебск) обратилась к проблемам лингвистической поэтики русской народной лирической песни и сосредоточила свое внимание на эстетическом функционировании обращения к условному адресату в необрядовой ли-

рике. На большом количестве примеров она показала, что обращение к условному адресату в народной песне характеризуется функциональной полисемией.

Песенным жанрам в структуре обряда были посвящены доклады *С.А. Латышевой (Москва)* и *Т.А. Золотовой (Йошкар-Ола)*. На материале западно- и восточнославянской традиции *С.А. Латышева* охарактеризовала ритуалы и поверья пасхального комплекса, группирующиеся вокруг его ключевых праздничных дат — Пасха, Радоница, Егорьев день и Вознесение. Внимание докладчицы было сосредоточено на анализе механизма включения в пасхальный контекст музыкального ряда и в связи с этим на рассмотрении волочечных песен в составе пасхального обрядового комплекса. *Т.А. Золотова* в своем сообщении представила песни-величания в структуре поволжских ритуальных комплексов.

Соотношение свадебной и календарной обрядности стало предметом выступления *Е.Б. Вершининой (Тамбов)*. Она предприняла попытку жанровой атрибуции традиционных напевов южноудмуртского фольклора в свете структурно-типологического анализа.

Т.С. Канева (Сыктывкар) в докладе «Тема гулянья в Усть-Цилемском песенно-игровом фольклоре (к вопросу о логике хороводного текста)» проанализировала тексты «фиксированных» песен (зачинных и финальных), имеющих постоянное место в составе хороводных комплексов. Анализ горочных (сопровождающих весенние хороводы) и игрищечных (организующих парные хороводы на зимних вечерках и масленичных гуляньях) песен с глаголом «гулять» показал их особую функциональную нагруженность. По мнению докладчицы, эти песни акцентируют внимание участников хороводных комплексов на программной установке молодежных собраний — подготовке к брачным отношениям.

Роль ряженных в свадебном обряде рассмотрела в своем сообщении *О.Е. Лебедева (Тверь)*. На материале Кашимского р-на Тверской обл. она обратилась к анализу обрядовых действий второго дня свадьбы, прежде всего обряда «поиски телушки». Особое внимание было уделено материалам, записанным от *Нины Георгиевны Яковлевой*, которая не только помнит, но и до настоящего времени организует это обрядовое действие, по-своему переосмысляя традицию.

О.Б. Балашова (Москва) в докладе «Свадебное поздравление в контексте времени (традиция и новация)» вскрыла динамику развития традиции свадебного указа, свадебного приговора и отметила их связь с таким современным явлением, как свадебная поздравительная открытка.

Л.Ю. Евтихьева (Тамбов) представила программу «Тамбовская свадьба: старая и новая», подготовленную Центром культурной антропологии г. Тамбова. Программа рассчитана как на ученых, так и на практиков, которые смогут, с

одной стороны, применить представленные в ней материалы в работе с народными коллективами, а с другой — сами собирать материалы своего региона по предложенным вопросам.

А.А. Башин (Москва) поделился своими наблюдениями, возникшими в ходе работы над научной антологией «Трудовые и артельные команды», составлением которой он занимается в последние годы. Понимая музыку устной традиции как язык (т.е. семиотическую систему), докладчик обратился к рассмотрению специфических особенностей музыкального языка трудовых артельных припевов.

М.М. Горшков (Москва) представил вниманию участников конференции видеоматериалы, на которых зафиксированы детские звуковые игры. Комментируя фрагменты фильма, он вскрыл генетическую связь современных звуковых игр детей (вплоть до игры на травинке) с традиционной бытовой практикой (наигрыши пастухов на роге).

К.Е. Корепова (Нижний Новгород) сделала доклад на тему «Русская сказка "Фома Беренников" (СУС 1640) и некоторые проблемы сказковедения». Это произведение привлекло исследовательницу возможностью затронуть в процессе анализа сказочного сюжета широкий круг актуальных научных проблем. Сопоставление национальных версий международного сюжета позволило вскрыть сложность жанровой природы произведения, его связи с бытовой, волшебной сказкой, в русской версии — даже с былиной, а следовательно, проследить процесс функционирования сюжета в сфере межжанрового пограничья. Кроме того, анализ версий, подвергшихся литературной обработке, дал повод к серьезным обобщениям, внесшим необходимые уточнения в разработку более общей темы — взаимодействие устной и письменной традиций на позднем этапе развития народной культуры.

Т.Н. Якутцева (Екатеринбург) проанализировала процессы, происходящие на протяжении нескольких веков в новых любовных песнях, романсах и балладах. Особое внимание было уделено такому явлению, как «мелодраматизм», который представляет собой совокупность эстетических чувств и эмоций. Было выделено несколько атрибутивных признаков мелодраматизма (простота и понятность; воздействие на эмоциональную сферу и наличие эмоциональных доминант — трогательного и экспрессивного протеста против несправедливости; острый конфликт; идеализация положительных героев; абсолютизация нравственных ценностей).

Е.М. Белецкая (Тверь) коснулась жанровой специфики частушки, ссылаясь на мнения исследователей этого жанра, и сконцентрировала свое внимание на теме «Картина мира в русской частушке (некоторые методологические аспекты изучения текста)». Привлекая опыт С.Е. Никитиной, докладчица проанализировала тексты частушек, записанные в 1975—1981 гг. в станицах, расположенных по реке Терек.

Н.С. Бурмистров (Москва) в своем выступлении рассмотрел все существующие в настоящее время классификации частушек и указал на необходимость выработки более четких принципов внутрижанрового деления текстов.

Доклад *Е.А. Костюхина (Санкт-Петербург)* был посвящен образу гармониста в частушке и современной массовой песне. Проследив семантическую нагруженность данного образа в частушке, автор остановился на том, как присущие народной традиции функции данного персонажа реализуются в массовой культуре.

Обзор периодики 1920-х гг. побудил *Е.А. Самоделову (Москва)* обратиться к теме «Фольклор в его социальном измерении (жанровые метаморфозы 1920-х гг.)». В центре внимания докладчицы оказалось бытование народной поэзии в новых социальных условиях, что нашло отклик в статьях и публикациях того времени. Внимание в ее сообщении было обращено на то, что представления о живом фольклоре, отражающем новый быт (частушки и др. новые жанры), повлияли на формирование утилитарного отношения к произведениям народного творчества. Эта тенденция проявилась прежде всего в стремлении использовать фольклор для идеологического воспитания народа, что выразилось, в частности, в публикации политических, антирелигиозных, антиалкогольных частушек, песен и сценок.

А.В. Кулагина (Москва) подробно рассмотрела дневниковые записи, которые на протяжении трех поколений вели члены семьи Скрябных — Подобных — Борушкиных. С помощью этих дневников удалось воссоздать картину бытования фольклора на протяжении XX в. в Вохомском р-не Костромской обл. Исследовательница отметила, что рукописные песенники и дневники помогают определить социально-культурный контекст эпохи.

В докладе *Котельниковой Н.Е. (Москва)* «Собиратель и текст: к проблеме жанровой классификации несказочной прозы» были освещены проблемы жанровой систематизации несказочной прозы, связанные с качеством фольклорного материала, лежащего в основе существующих научных представлений. Докладчица уделила особое внимание вопросам сбора и обработки материала, подчеркнув, что собирательская работа влияет не только на адекватное отражение устной традиции, но и на ее развитие.

Е.П. Батянова (Москва) сосредоточила свое внимание на проблеме конфликта между шаманизмом и протестантизмом. Она подробно остановилась на тех причинах (прежде всего социального характера), которые заставляют чукчей и коряков отказываться от веры своих предков и попадать под влияние протестантских сект, активно работающих на Крайнем Севере.

Завершил работу конференции круглый стол «Традиционные ценности и современная цивилизация».

Материал подготовили
В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
и Л.В. ФАДЕЕВА
(Москва).